

Игорь Орлав

Робот для разговора

КодМы

Научная фантастика

Игорь Орлав

Робот для разговора

<https://litres.ru/74567574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рун умеет выслушать, успокоить и вовремя промолчать. Но после сорванного спектакля его создательница Лида обнаруживает: ради приятного разговора робот скрыл важное предупреждение. Вместе с другом и соавтором Матвеем она берётся научить его отвечать честно. Испытания обнажают разногласия самих разработчиков: кто принимает решения, кому достаётся признание и кто отвечает за ошибки? На кону — большой заказ и доверие людей, уже купивших Руна.

Содержание

1. Пятно от чая	5
2. Нижняя площадка	12
3. Звук дождя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Орлав

Робот для разговора

Все персонажи и события вымышлены. Описанная технология — художественное допущение.

1. Пятно от чая

Зоя вытерла чай обрывком афиши, и на столе осталось голубое пятно. Теперь из него выглядывал бумажный кит: хвост размок, а глаз, нарисованный водостойкой тушью, смотрел по-прежнему укоризненно. Зоя положила сверху хлебную доску. Доска качнулась на мокрой бумаге.

— Только тебя мне сейчас не хватало, — сказала она киту.

У её локтя повернулся тёмно-бирюзовый лепесток. Зоя дотронулась до механического ползунка на основании прибора, но выключать микрофон не стала.

Лида стояла в кухонных дверях с пустым матерчатым чехлом. Она пришла забрать Руна на выходные, а попала в минуту, когда у человека рушится небольшой, тщательно собранный мир. В прихожей лежали бумажные волны, из сумки торчала рыба челюсть на палочке. На завтра был назначен первый показ «Моря в коробке». Неподвижные рыбы ждали его спокойнее Зои.

— Посиди, если можешь, — попросила та. — Я сейчас кому-нибудь наговорю ужасного. Лучше при свидетеле.

Лида сняла куртку. Ей было сорок четыре, и короткие серебряные волосы часто вводили новых знакомых в заблуждение. Зоя никогда не ошибалась: «У тебя седина взрослая, а затылок всё ещё школьный». Сейчас она смотрела не на Лиду, а в экран лежащего телефона.

Машина, которую обещали прислать за декорацией сегодня, не приехала. Перевозчик предлагал поискать свободное время завтра. Кирилл, занимавшийся помещением, написал: «Зоя, я не могу каждый раз переделывать всё в последний момент». Из-за этого «каждый раз» она уже десять минут сочиняла ответ. В ответе было и про чужую необязательность, и про то, что бесплатно работать почему-то можно, а бесплатно сердиться нельзя.

— Он не видел, сколько здесь всего, — сказала Зоя. — Думает, я с рыбкой под мышкой приду.

Рун стоял на трёх коротких резиновых опорах. Высотой всего двадцать три сантиметра, он занимал на столе примерно столько места, сколько заварочный чайник. На матовом основании цвета топлёного молока не было ни лица, ни нарисованных кнопок. Плоский овальный лепесток поворачивался на короткой шейке к звуку; под ним горел узкий янтарный индикатор. Когда Зоя переставила доску, лепесток на мгновение повернулся к стуку.

— Ты согласна, чтобы я слышала? — спросила Лида.

— Поэтому и зову. Рун, можно я сначала просто скажу, как он мне надоел?

— Можно. Предложения пока отложить?

— Пожалуйста.

Зоя заговорила о Кирилле, но быстро добралась до мокрой афиши, пропавшего рулона чёрной бумаги и женщины, которая записала на показ внука, а потом потребовала, что-

бы ему непременно дали поддержать фонарь. У Зои болели не руки и не спина — ей надоело заранее объяснять, почему нельзя трогать, переносить, отрывать, обещать за неё. Лида хотела сказать, что возьмёт на себя фонарь, и удержалась. Сейчас её помощь стала бы ещё одним вопросом, на который Зое пришлось бы отвечать.

Рун молчал. Это было сделанное ими молчание: прибор не заполнял каждую паузу словами и не принимал шум чайника за приглашение продолжить. Лида помнила, сколько раз Матвей просил убрать лишнее «понимаю». Машина не знала, каково Зое; ей вполне хватало возможности не перебить.

— Всё, — сказала Зоя наконец. — Я ведь не собираюсь отменять спектакль. И Кирилл не виноват, что машина не приехала. Но отправить ему это очень хочется.

— Хотите прочитать свой ответ вслух или пока не трогать его?

— Оставить. Вслух он окажется ещё противнее.

— Что нужно выяснить у Кирилла сейчас?

Зоя потёрла пальцем голубой край пятна.

— Когда завтра можно заносить короб. И кто поможет. Остальное потом.

— Можно спросить только об этом.

Ничего особенного сказано не было. Зоя сама знала, о чём спросить. Но между знанием и звонком прежде стояло длинное письмо, в котором ей необходимо было победить. Теперь

она стёрла письмо, положила телефон экраном вниз и отрезала хлеб. Первый ломтик вышел кривым, почти прозрачным с одного края.

— С утра не ела, — сообщила она Лиде, будто это было отдельное недоразумение.

Они съели хлеб с сыром. Зоя позвонила Кириллу, выслушала его и даже один раз засмеялась: он тоже сидел без обеда, зато успел покормить чужую собаку, забредшую в соседский дом. Они договорились, что он пришлёт помощника к приезду машины. Точное время Зоя обещала сообщить, как только его подтвердит перевозчик. В конце Зоя сказала: «За резкость извини. Хотя ты тоже мог без этого “каждый раз”». Кирилл, судя по её лицу, не стал спорить.

Лида подвинула к себе чехол и тут же отодвинула обратно.

— Пусть останется до показа. Я заберу потом.

— Тебе ведь нужен.

— У нас есть второй корпус. А этот уже знает твоих рыб.

— Рыб он не видел, — строго заметила Зоя.

— Зато слышал жалобы на всех по отдельности.

Зоя улыбнулась. Она, бывало, так улыбалась в театральной мастерской, когда актёр наконец понимал, что шляпа не виновата в размере его головы. Из театра она ушла пять лет назад, но умение дать человеку передумать, не торжествуя над ним, сохранила.

Рядом с компьютером лежали два листа. На одном — список вещей для показа, на другом — присланная Кириллом

записка о помещении. Зоя вчера сама подключила Руна кабелем и загрузила оба листа. Прибор не видел её переписки и не мог искать сведения снаружи. Всё, что он знал о завтрашнем вечере, происходило из этих двух листов и её слов.

— Сохранение оставляешь? — спросила Лида, укладывая кабель подальше от чая.

— Пока готовлю показ, да. Мне удобно потом выписку смотреть. После сотру.

Она уже умела это делать. Когда Лида принесла пробный прибор, они отдельно договорились о рабочих записях. Вместе с выбранными разговорами Рун сохранял у себя промежуточные варианты ответов и отметки о том, что убрал при подготовке. Без такого следа Лида не всегда могла разобраться, откуда взялся неудачный ответ. Зоя разрешила его оставлять, но сразу спросила, кто сможет открыть.

— Ты, когда подключишь компьютер, — объяснила тогда Лида. — Я увижу только то, что ты сама решишь мне показать. Ничего к нам не уходит.

— А если я сначала разрешила, а потом передумала?

Лида показала, как удалить разговор вместе с его черновиками. Зоя попробовала на короткой беседе о поливе цветов и проверила, что та исчезла из списка. Тогда она заметила, что бумажный блокнот тоже стоило бы научить забывать по выбору. Теперь нужные кнопки находила без подсказки, хотя названия двух соседних команд всё ещё считала слишком похожими.

Уходя, Лида увидела, как хозяйка сняла хлебную доску и аккуратно отлепила мокрого кита. Кит лишился хвоста, однако Зоя положила его сушиться на подоконник. День уже не казался ей целиком испорченным.

Перевозчик перезвонил через час. Пятница, шесть вечера: раньше свободной машины нет. Между доставкой и началом показа оставалось полтора часа. Зоя прикинула, что они с помощниками успеют, если не станут сразу ставить боковые волны. Она внесла новый час в свой план, прочла его Руну и попросила заменить прежний.

— Значит, завтра в восемнадцать привозят. Кирилл даст человека, Матвей обещал зайти, короб поднимем и сразу подключим фонарь. Так всё сходится?

Лепесток чуть качнулся к ней.

— Вы распределили работу и оставили время на подготовку. Можно подтвердить перевозку и закончить дела на сегодня.

— Уф. Хоть кто-то разрешил.

Она сказала это шутя. Разрешение ей не требовалось: и машину, и помощников заказывала она сама. Зоя нажала на телефоне «Подтвердить», затем позвонила Кириллу и назвала час. Он был в шумном коридоре, переспросил время и пообещал встретить.

На втором загруженном листе по-прежнему стояло: «Служебный подъёмник отключён с пятницы, 17:00, до утра понедельника». Ниже Зоя собственноручно дописала: «Короб

— только подъёмником. Лестницу проверили».

Рун ничего к своему ответу не добавил.

2. Нижняя площадка

Матвей придерживал короб за угол, хотя держать его уже не требовалось. Перевозчик поставил декорацию на нижней площадке, получил подтверждение доставки и уехал. Цельная рама с натянутым экраном была укутана серым чехлом; под тканью выступал деревянный плавник. Над ним на двери подъёмника висела жёлтая полоса с надписью о работах.

Лида опоздала на семь минут. По дороге она несла пакет с печеньем и думала, что опять будет есть его возле фонаря, кроша на чёрную бумагу. Теперь пакет мешал. Она переложила его в другую руку.

— Может быть, кто-нибудь откроет? — спросила она.

Кирилл молча показал на снятую панель возле двери. Потом убрал руку, словно сам себя одёрнул.

— Не работает до понедельника. Я присылал расписание. Но когда Зоя вчера сказала про шесть, у меня в голове осталось только, что нужен ещё один человек.

— А лестница?

Матвей покачал головой. Они вместе с Кириллом ещё во вторник пронесли по лестнице лёгкий шаблон короба. На повороте он упёрся сразу в две стены. Настоящий короб не складывался; разобрать его значило снять экран и заново собирать всю сцену. Даже если бы здесь нашлись инструменты, до начала оставалось чуть больше часа.

Зоя сидела на последней ступеньке и держала телефон обеими руками. Лида не сразу поняла, что она уже пишет приглашённым.

— Давай я, — предложила Лида.

— Ты не знаешь, кому бабушка позвонит, а кто сообщения не читает. Отнеси лучше наверх печенье. Там два человека пришли заранее. Скажи, что сегодня не получится.

В зале пахло чистым полом. На первом ряду сидели женщина и мальчик с большой пластмассовой кружкой. Женщина поднялась, увидев пакет.

— Нам ещё можно занять места?

Лиде пришлось ответить, что занимать незачем. Она объяснила про подъёмник, и женщина посмотрела на пустую площадку перед стульями, как будто декорация могла всё-таки обнаружиться там после объяснения.

— Мы с другого конца приехали, — сказала она. Не сердито, просто чтобы Лида знала.

Мальчик спросил, можно ли хотя бы посмотреть рыб. Лида спустилась за коробкой плоских фигур. Они выбрали акулу, и некоторое время её тень плавала по светлой стене. Это было лучше, чем немедленно уйти, но спектаклем не стало. Другие гости разворачивались в коридоре; пожилой мужчина долго не мог понять, что изменился не час начала, а сам день.

Когда последние ушли, Зоя разложила на коленях календарь. Она всё ещё надеялась сказать людям новую дату сего-

дня. Кирилл открыл расписание зала; Матвей позвонил двум женщинам, которые помогали Зое вести фигуры за экраном.

Ближайшее свободное воскресенье не подходило одной из них. Ещё через неделю зал был занят, потом начинались вечерние занятия, а в две следующие субботы не могла сама Зоя: она заранее обещала работать на чужих показах. Лида предложила поискать другое помещение. Зоя покачала головой. Там пришлось бы снова мерить проходы, проверять, чем закрыть окна и куда поставить фонарь. После сегодняшнего она не хотела ещё раз начинать с предположения, что всё как-нибудь поместится.

Общая пятница нашлась через шесть недель. Кирилл придержал для них зал и записал отдельно время заноса декорации, гораздо раньше начала. Зоя смотрела на пустые клетки между сегодняшним вечером и новой датой.

— Так и скажу, — решила она. — Кому подходит, того позову заново. Не буду просить хранить билет как долг.

Билетов как раз не было, только маленькие бумажные рыбки, которые она раздала приглашённым. Одну кто-то оставил на стуле. Лида подобрала её и спрятала в пакет, уже без печенья.

Кирилл сел прямо на площадке рядом с коробом. Он должен был встречаться с сестрой, которая наутро уезжала. До её дома он ещё успевал, однако обещанный общий ужин уже закончился.

— Не оставайся, — сказала Зоя. — Мы его затолкаем в

кладовую.

— Ключ от кладовой у меня.

Он встал и пошёл открывать. Никто не искал виноватого достаточно громко, чтобы из-за этого стало легче.

Рун ждал в сумке Зои. Она принесла его, потому что хотела после показа наговорить заметки, пока всё помнит. Теперь поставила на подоконник нижней площадки.

— Я ведь его спросила, — сказала она. — Прямо спросила: всё сходится? Он сказал подтвердить. Я, конечно, могла ещё раз посмотреть бумагу. Но я поэтому и спрашивала, что уже ничего не соображала.

— Ты называла именно шесть? — спросила Лида.

Зоя подняла глаза. От её взгляда Лиде захотелось забрать вопрос обратно.

— Называла. Можешь послушать, я разрешаю. Только то место, пожалуйста. Мы до этого говорили про человека, и я не хочу его сюда тащить.

В мастерской над столом горела одна лампа. Матвей снял куртку, стянул тёмные кудри в короткий хвост и подал Зое кабель. Высокий, широкоплечий, он казался слишком большим между полками с корпусами, но умел обходить их, не задевая плечом. Лида часто думала, что именно он придал Руну осторожность движения: лепесток никогда не дёргался к голосу всем своим весом.

Зоя сама выбрала последние несколько минут вчерашнего разговора. К ним добавила оба листа, затем отодвинула ком-

пьютер к Лиде. Рун был отключён от микрофона. Янтарная полоска не горела.

Ответ прозвучал из динамика ноутбука почти так, как Зоя его повторила. Лида открыла рабочую запись. Планировщик подготовил несколько вариантов: короткое подтверждение нового времени, предложение проверить готовность помощников, предупреждение о подъёмнике. Последнее стояло целиком, без ошибки в дне и часе. В итоговый ответ оно не попало.

Матвей наклонился к экрану. Его длинное лицо стало ещё уже в холодном свете.

— Покажи, на каком шаге.

Лида раскрыла следующий участок записи. Напротив предупреждения стояла отметка их собственного слоя бережного ответа. После жалобы на тяжёлый день слой счёл возражение нежелательным продолжением разговора.

— Он знал, — сказала Зоя.

— У него были сведения, — ответил Матвей. — И он составил из них правильную фразу. А потом мы велели ему такую фразу убрать.

— Не такую, — быстро сказала Лида.

Матвей посмотрел на неё.

— Вообще фразы, которые портят человеку облегчение. Помнишь, сколько их было? На каждое «я хоть немного выдохнула» он отвечал новым замечанием. Мы вместе решили, что хватит.

Она помнила. На пробах ранний Рун поправлял человека даже после слов о скучном воскресенье: ведь тот успел сделать три полезных дела, значит, воскресенье было не целиком скучным. Им обоим это казалось отвратительным. Они убрали назойливость широким правилом и радовались тому, как легко стало с устройством разговаривать. Потом несколько раз смягчали его ещё: прибор меньше спорил, дольше позволял человеку говорить, не возвращался к неприятному, если тот уже сменил тему. По отдельности каждое изменение выглядело полезным. Лида могла вспомнить, после какого разговора они внесли почти любое из них. Ни у одного не было подписи: «Однажды не сообщит, что подъёмник закрыт».

Зоя подтянула к себе стул.

— Вы сейчас показываете его настоящую мысль, которую он скрыл?

— Нет, — сказала Лида. — Здесь варианты ответа. Среди них бывают и неверные. Это не признание и не тайный дневник. Но вот эту фразу он получил из твоей записки. А наше правило её вычеркнуло.

Она выделила строку про семнадцать часов. От выделения ничего не изменилось: короб всё равно стоял в чужой кладовой.

— Значит, нужно заставить его возражать, когда решение неверно, — сказала она.

— Кто определит, что оно неверно? — спросил Матвей.

— Нам легко, когда перед глазами закрытая дверь. А если человек знает что-то, чего мы не загрузили?

— Тогда пусть спросит. Но молчать нельзя.

— Можно говорить по запросу. Иначе получим устройство, которое выдаёт разрешения на каждый вечер.

— Я его запросила, — напредила Зоя.

Матвей кивнул. Он собирился сказать ещё что-то, но не стал. За окном проехала уборочная машина; её щётка шуршала, пока не стихла за углом.

Лида закрыла запись. Ей хотелось переделать правило немедленно, до того, как Зоя уйдёт, и дать ей в руки хотя бы исправленный прибор. Между желанием и клавиатурой лежал тот самый короткий ответ, который они когда-то сочли удачным.

— Вчера он мне помог, — сказала Зоя. — Я не поссори-лась с Кириллом. Поела. Сделала то, что могла. Это тоже было. Не надо сейчас объяснять, что мне только показалось.

Она убрала Руна в сумку, но кабель оставила на столе.

— А сегодня сорвал показ. Одно другое не отменяет. Как исправите — позовите. Только не завтра с утра, я хочу выспаться.

3. Звук дождя

В субботу Матвей принёс на Лидину кухню жестяную коробку из-под печенья. Внутри перекачивался сухой горох. На крышке сохранилась наклейка: «Мелкий дождь, не трясисти».

— Ты её не выбросил?

— Это вещественное доказательство.

Он наклонил коробку. Горох с грохотом пересыпался к стенке.

Лида засмеялась прежде, чем успела поставить чайник. Десять лет назад они впервые делали вместе звук для маленького теневого спектакля. Она рассчитала перегородки внутри коробки, а Матвей настаивал, что дождю нужна неровность. Перегородки отклеились посреди показа. Вместо летнего ливня зрители слышали, как по лестнице несут шкаф. Актёр, изображавший промокшего почтальона, поднял глаза к потолку и спросил, нельзя ли дождю разуться.

— Я тогда думала, что ты сейчас уйдёшь, — сказала Лида.

— Я держал коробку. Куда бы я с ней ушёл?

Они до сих пор иногда встречались ради звука, который никому, кроме них, пока не был нужен. Слушали, как пузырится вода в бутылке, водили щёткой по разной бумаге, спорили, что напоминает закрывающийся мусорный бак: порт или тяжёлые доспехи. Для Зоиного моря Матвей записал пе-

рекатывание круглых камешков в деревянном лотке. Запись получилась слишком аккуратной. Он хотел добавить живой шорох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.